

На чем растет душа

Владимир Меньшов и его университеты

Независимая - 2004 - 10 сеп - с. 13-14.

Вероника Чернышева

Поводов для беседы с режиссером и актером Владимиром Меньшовым было больше, чем требуется, — на днях исполняется 65 лет ему самому, еще грядет четвертьвековой юбилей мелодрамы «Москва слезам не верит». Фильм в свое время воплотил в жизнь мечту советского человека о чуде, вызвал резкое неприятие критики, одновременно снижал всенародную любовь, став лидером кинопроката, и, наконец, как лучший зарубежный фильм получил «Оскара», о котором мечтали и всегда будут мечтать отечественные режиссеры. Кроме того, вполне можно поздравить Владимира Меньшова с присвоением очередного звания его доблестному герою из сериала «Москва. Центральный округ» или осведомиться, как там служба в «Ночном дозоре» у почти всеильного Гесера, чей суровый взгляд из-под рыцарского забрала узнают сейчас даже те, кто никогда не включал телевизор.

Владимир Валентинович, над чем вы сейчас работаете как режиссер?

— Этот вопрос никогда не об-суждаю.

— А актерские работы какие последние?

— Последнее время все чаще играю в сериалах министров, губернаторов и президентов, такая стезя образовалась. Из самых крупных — «Москва. Центральный округ». Там недавно меня в звании повысили — я теперь подполковник. Сейчас переживаю волну популярности в связи с «Ночным дозором». Это меня немного удивляет. Правда, для успеха фильма было сделано все возможное. Фильм уже побил все мыслимые и немыслимые рекорды проката. Проект амбициозный, его ждет большое будущее, а меня как актера — естественно, слава у подрастающего поколения. Это, скажем так, симпатичная популярность, и судьба у фильма завидная, хотя, как выяснилось, не очень дорогая картина получилась — «Антикиллер», к примеру, был дороже. Счастли-вый выбор Эрнста с Максимовым, они угадали и роман, и режиссера.

— Если бы вам там предложили темные силы возглавлять?

— Ну, а почему нет? Можно и темные. Хотя светлые, конечно, интереснее.

— На какое кино вы бы сами сделали ставку, если бы были продюсером?

Режиссура — это особый драйв. Ничего не было, а ты создал. Чувствуешь себя демиургом

— Боюсь, что я не очень к этой роли подхожу. Продюсер из меня был бы неважный. Современный кинематограф, включая «Ночной дозор», мне мало понятен. Я пришел в кино, когда главенствовал психологический кинематограф, берущий начало от высокой литературы, от театра. Я вырос на таких фильмах, которые нельзя смотреть под поп-корн и пиво в большом кинотеатре. Думается, сейчас ки-

Демократичный режиссер.

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

нематограф решительно поменял вектор. Он уже идет не от литературы, а скорее от шоу, от цирка. Кажется, это надолго, может быть, уже навсегда.

Я руковожу студией «Жанр» на «Мосфильме», мы снимаем две-три картины в год. Работаем над фильмом о первых днях после войны по сценарию Дунского и Фрида — вот это то, что мне понятно. Недавно посмотрел «Ван Хельсинг» — поразительно, как это сделано, даже не укладывается в голове. Смотришь мультимедийный фильм, а не мультик совсем, вроде живые

актеры прыгают — фантастика, и мне совершенно непонятно, как все это сделано. Это удивляет, шокирует, да все что угодно, но это не то, о чем хочется думать, не то, на чем растет душа.

— Что все-таки важнее для вас, играть в кино или делать его?

— Какая профессия важнее? Тут двух ответов быть не может. Режиссура — это совсем другой драйв, как сейчас говорят. Ниче-

го не было, а ты создал. Ты создаешь своими руками какой-то параллельный мир, кем-то его населяешь, а люди потом входят в него с головой, смотрят, рассказывают друг другу об этих тобою созданных героях, ссылаются на их судьбу. И Катя Тихомирова уже не плод твоего воображения, а авторитет для кого-то. Чувствуешь себя демиургом. Знаете, тигр, который просто ходит по тайге, — это одно животное, а тот, который попробовал человечины, — уже другое. Так и с режиссурой.

— Назовите свои любимые актерские работы.

— Из актерских своих работ больше всего люблю то, что уже сейчас, наверное, никто не помнит. «Последняя встреча» — была такая картина. Я там играл крутого, неоднозначного, сильного, бескомпромиссного человека из поколения моего отца. Люблю свои роли в «Городе Зеро», «Русском ретайме».

— Давайте вернемся к вашему студенчеству. Насколько мне известно, изначально вы все-таки мечтали именно об актерской карьере.

— Да, я поступал неоднократно и безуспешно на актерские факультеты, в результате стал актером уже тогда, когда перестал мечтать об этом, когда всерьез занялся режиссурой.

Михаил Ромм меня принял на второй курс во ВГИК, но когда дело дошло до оформления документов, выяснилось, что

руководство категорически против такого зачисления. Для меня это, конечно, были исторические события. Я отовсюду уволился и сидел без копеечки денег абсолютно — не студент и не работник. Тянулось это долго, пока Ромм не взял меня в аспирантуру, специально для этого случая придуманную, — это для меня был нож острый, потому что аспирантам не выделяют денег на съемки учебных картин. Я мучился ужасно, потому что пришел во ВГИК не диссертацию писать, а учиться снимать кино. В общем, я был единственный в мире аспирант, который мечтал перейти в студенты и из всех сил этого добивался. На этом меня ловили и шантажировали. Пока не поймали и не сказали: снимешь картину к юбилею ВГИКа (никто категорически делать этого не хотел, все воспринимали это как тяжелую повинность), переведем в студенты. Я, естественно, взялся снимать.

Снимал в свободном полете, меня никто не контролировал. Отснятый материал посмотрели. Сначала одобрили, потом по тайнственным причинам картину начали критиковать, решили перемонтировать, предвительно отстранив меня от нее. А потом, когда все отснято было окончательно перепорчено, картину смыли с пленки. Не сохранилось ничего совсем. Вот такая была скандальная история. Для меня она значила

прежде всего то, что о студенчестве я могу забыть уже навсегда. Так и остался я со справкой из аспирантуры ВГИКа. Кандидатов наук по режиссуре не быва-ет. Муторный период был в моей жизни, хотя не пустой. Я много чему научился в то время. Именно тогда я совершенно случайно снялся в главной роли в учебной картине своего товарища, эту работу заметили, стали приглашать в большое кино. Потом чудом каким-то я добился-таки разрешения снимать учебные фильмы.

— После выхода на экраны фильма «Зависть богов» в одном из интервью вы сказали, что, несмотря на успехи и награды, не ощущаете себя своим в кинематре. Это по-прежнему так?

— Да. Все мои награды были во-преки. Я не стал бы жаловаться на неприятие критиков, потому что критики — это рупор кинематографической элиты, которая формирует мнение за ночь после фестивального просмотра. Когда я привез «Зависть богов» на «Кинотавр», реакция еще не была никаких, я только знал, что сделал работу достой-ную, красиво и из множества фести-вальных призов что-то должно было достаться именно этой картине. Жюри сделало вид, что фильма не было. А на пляже и в гостиницах просто гул стоял: говорили о том, что не приведи господь, этому фильму дадут что-нибудь.

Я уж не говорю про картину «Москва слезам не верит». Какой там «Оскар»? Фильм снимался в полном остракизме. В картину не верила даже съемочная группа, все говорили: ну что мы снимаем? Вон на соседней площадке Абдрашитов что-то творит — это да! А мы тут чем занимаемся — непонятно. Оглядывались на что-то элитарное, эстетское или социально заост-ренное и все прочее. Я научился относиться к этому философски, хотя эта философия дорого дается. Какая-то частица души должна при этом сгореть.

Есть такая история: актер жалуется режиссеру, что не знает, как играть какой-то эпизод, а тот ему отвечает: «Ты думаешь, я знаю, я просто виду не подаю». Так вот я не из тех режиссеров, которые на съемочной площадке надувают щеки и всем внушают страх. Всегда предлагаю вместе подумать. Эта демократичность и хороша и непривычна в режиссерской профессии.

— Расскажите, как в «Зависть богов» попал Депардь?

— Очень просто: нам по сценарию нужен был настоящий известный француз. Было бы смешно, если бы изображать его мы пригласили, условно говоря, Джигарханяна. Это произошло только в 70-е годы.

Недавно случайно посмотрел «ТАСС уполномочен заявить», где Петренко играет американского журналиста. Тот приглашает своего собеседника в «Макдоналдс» посидеть вечером. А ведь фильм снимался в 83-м году — не так давно это было, и мы всерьез думали, что «Макдоналдс» — это как раз тот ресторан, где можно приятно время провести, отдохнуть и хорошо посидеть по-настоящему, по-американски.

О «Зависти богов» была договоренность с Бельмондо. Но в то время, на которое были запланированы съемки, он серьезно заболел. Стало ясно, что сниматься он не сможет. В списке возможных кандидатов из известных французов нужной нам возрастной категории были Делон и Депардь — ему позволили первому. Он дал согласие, прилетел на своем самолете — ему это было удобно, он снимался в это время в Праге в «Отверженных». Все остальное было делом техники. Не думаю, что он читал весь сценарий. Ему выслали его эпизоды на французском. Работал очень четко и профессионально, никаких капризов звезды не было. Мы уложились в три съемочных дня. Вечерами водили его по ресторанам. Он, правда, ничего не пил, говорил: «Въезжаю — становлюсь дураком». Известно, как его хотели лишить ордена Почетного легиона именно за то, что «был дураком» в нетрезвом виде, потом простили, но он его после этого сам отдал. На мотоцикле постоянно разбивается — отчаянный человек, в общем. При этом работает как вол — из 365 дней в году 360 у него съемочные.

— Известно, что вы брали интервью у Нурсултана Назарбаева. Что это был за проект, о чем шла речь?

— Да, это было в прошлом году. Я, к сожалению, не знаю судьбы этого проекта. Знаю, что съемки были завершены, но не знаю, вышел ли фильм на экраны. Он готовился в рамках Года Казахстана в России. Было задумано снять 10 серий. После скоростной кончины Юрия Сенкевича, который по замыслу авторов должен был выступать ведущим, рассказывать о Казахстане и в том числе беседовать с Назарбаевым, предложено было мне. Я откликнулся на предложение.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 14

Меншов Владимир

10.09.04